

*Для всех тех, кто осознает,
что граница между добром и злом более размытая,
чем люди хотят признать*

Глава 1

Нита уставилась на мертвое тело, лежащее на кухонном столе. Тучный мужчина средних лет, одетый в обычный деловой костюм. На глазах — очки в металлической оправе с серебряными дужками, которые сливались с сединой его висков. Внешне он ничем не отличался от других, но внутри...

— Еще один занни? — хмуро посмотрев на маму, спросила Нита, затем скрестила руки на груди и продолжила осматривать тело. — Этот даже не из Латинской Америки. Я думала, мы переехали в Перу, чтобы охотиться на южно- и центральноамериканских сверхъестественных существ: чупакабр, пиштако и прочих.

Не то чтобы занни были обычным явлением, но Нита препарировала довольно многих из них в Юго-Восточной Азии, где они провели с мамой несколько месяцев в прошлом году. Ей не терпелось расчленить кого-нибудь новенького, в противном случае она осталась бы с отцом в Штатах и работала бы с единогогами.

Мать пожала плечами и повесила на стул свой пиджак.

— Я увидела занни, поэтому убила его. Он был прямо передо мной. Я не могла устоять. — Она слегка улыбнулась и опустила голову, и ее челка, выкрашенная в черно-красные полоски, упала на глаза.

Нита переступила с ноги на ногу, снова посмотрела на труп и вздохнула.

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я расчленила его и упаковала на продажу?

— Умная девочка! — воскликнула мать.

Нита обошла тело и встала с другой его стороны.

— Поможешь мне перенести его в мастерскую?

Мать закатала рукава, и они вместе протащили пухлое, обманчиво тяжелое тело по коридору и положили его на гладкий металлический стол в другой комнате. Белые стены и люминесцентные лампы придавали ей вид операционной. На полках аккуратными рядами лежали скальпели и хирургические пилы, а перед ящиком с банками стояли весы для взвешивания органов. Из находившейся в углу ванной с формалином веяло запахом смерти. Он распространялся за пределы комнаты и пропитывал одежду Ниты. Как ни странно, запах этот успокаивал. Вероятно, это плохой знак.

Но если бы Нита была честна сама с собой, то признала бы, что большинство ее привычек и решений — это плохие знаки.

Мама подмигнула ей.

— Все готово и ждет тебя.

Нита посмотрела на часы.

— Уже почти полночь.

— И?

— И я хочу немного поспать.

— Еще успеешь, — отмахнулась мать. — Тебе все равно незачем рано вставать.

Нита секунду помедлила, а затем, соглашаясь, склонила голову. Прошло уже много лет с тех пор, как мама решила забрать Ниту из школы, а у той все еще оставался какой-то инстинкт, который не позволял ей ложиться спать слишком поздно. Это было глупо, ведь даже если бы она ходила в школу, то с удовольствием прогуливала бы уроки ради расчленения. Расчленять *весело*.

Нита надела белый лабораторный халат. Ей всегда нравилось ходить в нем — она чувствовала себя настоящим ученым в некоем престижном университете или лаборатории. Иногда, даже без надобности, она надевала очки, и они дополняли ее ученый вид.

— Когда ты снова уезжаешь? — спросила Нита.

Мама мыла руки в раковине.

— Сегодня. Пока везла сюда эту красоту, я кое на что наткнулась. Теперь лечу в Буэнос-Айрес.

— Пиштако? — спросила Нита, пытаясь сдержать волнение.

Она еще никогда не вскрывала пиштако. Как устроен их организм, если они питаются только человеческим жиром? Одна лишь возможность в будущем расчленить пиштако убедила Ниту в том, что переезд в Перу был хорошей идеей. Мать всегда знала, чем ее соблазнить.

Нита нахмурилась.

— Подожди-ка, в Аргентине нет пиштако.

Мама рассмеялась.

— Не волнуйся. Это кое-что получше.

— Не еще один занни?

— Нет.

Мама вытерла руки и, направившись в сторону кухни, по пути крикнула:

— Я собираюсь в аэропорт. Если все пойдет хорошо, вернусь через два дня.

Нита последовала за ней и увидела, что она сидит в ботинках на кухонном столе и открывает бутылку писко*, взятую из холодильника. Затем мать сделала большой глоток. Не в коктейле или разбавленного содовой, а чистого писко.

Однажды, оставшись дома одна, Нита попробовала этот напиток с мыслью, что он прекрасно подойдет для празднования ее семнадцатого дня рождения. Он оказался не таким обжигающим, как виски, или водка, или даже sake, но вставил быстро и сильно. Мама нашла Ниту с прижатым к стене лицом — она рыдала, потому что стена не хотела двигаться. Тогда мать рассмеялась и оставила ее страдать одну. Позже она показала Ните фотографии: та стена вся была в слюнях и соплях. С тех пор в домашний бар Нита не заглядывала.

— Ах да, Нита, еще кое-что, — сказала мать, ставя бутылку писко на стол.

— Да?

— Не трогай голову. За нее назначена награда в миллион долларов, и я хочу получить ее.

Взгляд Ниты переметнулся в сторону комнаты с мертвым телом, находившейся дальше по коридору.

— Я почти уверена, что вся эта тема «разыскивается живым или мертвым» закончилась еще на Диком Западе. Если ты принесешь голову этого парня, тебя арестуют за убийство.

Мама закатила глаза.

— Что ж, спасибо тебе, Нита, за то, что преподала мне такой важный урок. Что бы я без тебя делала?

— Э-э, — поморщившись, выдавила Нита.

* Писко — разновидность виноградной водки. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

— Этого занни разыскивает за военные преступления перуанское правительство. Он был членом секретной полиции во время правления Фухимори.

Неудивительно. Практически все занни в мире разыскивались за какие-то военные преступления. Когда твоя естественная биологическая потребность состоит в том, чтобы мучить людей и пожирать их боль, перед тобой открывается множество карьерных путей.

Нита вдруг вспомнила — в последнем выпуске журнала *Nature* появилась статья, которую она хотела прочитать. Ученые — они, вместе взятые, расчленили меньше занни, чем Нита, но имели доступ к лучшему оборудованию, — написали подробный анализ процесса поглощения боли занни. Существовало много теорий о том, как одна и та же травма может восприниматься разными людьми совершенно по-разному. Исследователи изучали занни и пытались ответить на вопрос: что движет их потребностью поглощать боль — серьезность травмы, полученной человеком, или же интенсивность боли?

В этой же статье говорилось о том, что кроме физической занни способны поглощать и эмоциональную боль, но в значительно меньших количествах. Эмоциональные и физические болевые рецепторы пересекаются в мозговом центре, потому возникает важный вопрос: почему занни могут насытиться сильной физической болью, а сильная эмоциональная боль питает их меньше? По мнению Ниты, причина заключалась в том, что физическая боль получает дополнительные сигналы от ноцицепторов, но ее интересовало мнение и других исследователей.

Хотя мысли Ниты были где-то далеко, мать продолжала разговор:

— Несколько заинтересованных лиц предложили очень большую награду за голову этого занни. Этим людям, в отличие от правительства, все равно, сможет ли он предстать перед судом. — Она хищно улыбнулась. — И я буду рада им угодить.

Она спрыгнула со стола и надела бордовый кожаный пиджак.

— Ты сможешь упаковать его органы до моего возвращения?

— Думаю, да, — кивнула Нита.

Мать подошла к дочери и поцеловала ее в макушку.

— И что бы я без тебя делала, Анита?

Не успела Нита ответить, как мать уже открывала дверь: послышался скрип, затем удар, и в доме воцарилась тишина.

Когда мама куда-то уходила, Ните иногда казалось, что она не просто забирает с собой шум — она будто забирает энергию, которой наполнен дом. Без нее он казался пустым. Из него словно уходила жизнь, и только мертвый занни сейчас все еще лежал на столе.

Нита вернулась к своему новому «проекту» и слегка улыбнулась. Лучше бы, конечно, здесь оказались пиштако или чупакабра, но и занни сгодится.

Первым делом она опустошила его карманы. В них лежали старомодные часы, немного бразильских реалов (но перуанских сблей, как ни странно, не было) и кошелек. Нита долго смотрела на него, а затем, не открывая, положила в лоток. Мать уже наверняка вытащила из кошелька кредитные карты, сняла с них наличные, а потом выбросила. Единственное, что осталось внутри, — удостоверения личности и членские билеты. Эти вещи могли бы дать Ните информацию о существовании, тело кото-

рого она сейчас расчленит. Но она давным-давно усвоила — не нужно ничего знать о том, кого ты режешь на части. Лучше думать, будто это неодушевленное создание. Да ведь так и есть — это же занни.

Нита взяла резинку и стянула волосы в пышный хвост. Ее волосы росли завитками и будто вширь, а не в длину. Каштановые, в свете люминесцентных ламп они приобретали рыжий оттенок. Другим так не казалось, но Нита настаивала — ей это нравилось.

Натянув хирургическую маску, которая легла прямо на веснушчатые скулы, она надела очки, затем перчатки и подкатила тележку с инструментами к столу, где лежало тело. Затем всунула в уши наушники и открыла плейлист с диснеевскими песнями.

Пора начинать.

* * *

Нита уже не помнила времени, когда ее не увлекали мертвецы — в доме их всегда было полным-полно. Она помнила только, что родители приобретали тела сверхъестественных существ и продавали их по частям в интернете. В даркнете, если точнее. Продавцы органов не размещали товары на сайте eBay — это могло закончиться визитом сотрудников Международной полиции по делам сверхъестественных существ — МПДСС — и последующим за этим длительным тюремным сроком.

Когда Нита была младше, она бегала по дому и приносила родителям пустые емкости: большие стеклянные флаконы — для сердец, а маленькие флаконы и пакетики — для крови. Потом она наклеивала на них этикетки и выставяла на полку. Иногда девочка долго разглядывала органы существ, с которыми сама никогда

не встречалась. В сердцах, плавающих в формальдегиде, было что-то успокаивающее, умиротворяющее. Они больше не бьются. Никакого шума. Только тишина.

Иногда Нита смотрела на глаза, а они в ответ — прямо, открыто, совсем не так, как глаза живых, — не потупляли взор, когда их обладатели лгали, не выражали взглядом целый разговор. Нита никогда не могла понять живых. Мертвые лучше — их глаза не такие выразительные.

Работа над занни заняла у Ниты всю ночь и большую часть следующего дня. Она раскладывала органы по банкам с формальдегидом или по морозильным камерам, а затем до блеска чистила операционную.

Солнце уже встало, но усталости Нита не ощущала, поэтому отправилась в свой любимый парк на скалах с видом на океан. Над скамейками, наподобие навеса, возвышались тропические кусты с большими колоколообразными цветами, а стену, которая защищала от падения с обрыва в сверкающие воды океана, украшала сине-белая мозаика. На скамейках лежали газеты: от бульварных изданий, сообщавших, что *«Пенелопа Альварес в возрасте сорока пяти лет выглядит на двадцать. Хороший уход за кожей или нечто “сверхъестественное”?»*, до официальных таблоидов с заголовками типа: *«Должно ли Перу вступить в зону МПДСС? Преимущества и недостатки экстерриториальной полиции, занимающейся сверхъестественными существами»*.

Перу было одним из немногих южноамериканских государств, на которые полномочия МПДСС не распространялись. На каждом континенте осталось несколько таких стран, поэтому торговцам на черном рынке было куда сбежать, когда полиция в конце концов их прищу-

чивала. Кое-кто щедро платил политикам, чтобы такое положение вещей не менялось.

Нита уселась на скамейку подальше от других людей и в тени бругмансии* открыла свои медицинские журналы про сверхъестественных существ. Иногда чтение их приносило разочарование, ведь Нита точно знала, что авторы ошибаются относительно некоторых вещей.

Многие сверхъестественные существа не скрывались, и их мировое сообщество признало, но большинство по-прежнему оставались в тени, опасаясь реакции общественности. Поэтому, когда в журналах говорилось, что занни — единственный вид монстров, потребляющий нечто нематериальное вроде боли, Нита жалела, что не может рассказать миру правду. Есть еще создания, которые питаются воспоминаниями, эмоциями и даже мечтами, вот только МПДСС пока не признает их официально. Это ведомство уделяет много внимания антикризисным мерам и отчасти пытается уменьшить проявления расизма и дискриминации в адрес сверхъестественных существ, опуская информацию о том, сколько видов таких созданий есть в мире. И это не давало возможности охотникам вроде матери Ниты обнаруживать таких существ. Иногда.

Поглощая медицинские исследования, словно конфеты, Нита сидела в парке, пока не стемнело.

А когда вернулась домой, услышала поток ругани. Крадясь по коридору, она чувствовала, как напряглись ее плечи. В гневе мать становилась непредсказуемой. Нита уже не раз испытывала его на себе и не хотела, чтобы это повторилось. Но игнорировать маму было

* Бругмансия белоснежная — тропический кустарник с белыми цветами-колокольчиками, свисающими с высоких ветвей.

еще опаснее, поэтому Нита вошла в кухню, и от увиденного беспорядка ее рот открылся сам собой:

— Что ты делаешь?

Мать заправила за ухо прядь волос и криво улыбнулась. Пол вокруг нее был уставлен пустыми грузовыми ящиками, между которыми валялись упаковочные материалы — пузырчатая пленка и полоски пенопласта. На кухонном столе лежал пистолет, и у Ниты проскользнула мысль: «Что он здесь делает?»

— Я хочу, чтобы органы занни отправили завтра. У нас тут кое-кто новенький, и, честно говоря, эта квартира для него маловата. — Мать снова улыбнулась.

Нита не могла не согласиться. Ее операционная была уже переполнена, а ведь она расчленила всего одного занни. Для второго тела действительно не нашлось бы места.

— Новенький? Я так понимаю, все прошло хорошо?

Мать рассмеялась:

— Разве с теми сверхъестественными существами, которых нет в Списке, когда-нибудь все проходило хорошо?

Из сверхъестественных существ, известных широкой общественности, отдельным Списком были выделены «опасные сверхъестественные», которые убивали людей. В странах, являющихся членами МПДСС, истребление таких созданий считалось не преступлением, а «превентивной самообороной». Но убийство других — безвредных (как показывал опыт Ниты, большинство из существ были все-таки безвредны) очень даже считалось.

Мать Ниты, как правило, привозила существ из Списка. *Как правило*. Но, вероятно, мама все же убила много

незлых и неопасных созданий и продала их. Нита старалась не думать об этом, ведь как она могла повлиять на ситуацию? К тому же существа всегда попадали в ее руки уже мертвыми. А раз так, было бы стыдно оставлять их тела нерасчлененными.

Кстати...

— Кого ты привезла? — спросила Нита, пробираясь через ящики к холодильнику. Добравшись до него, она вытащила остатки вчерашнего ужина и закинула их в микроволновку.

— Кое-кого особенного. Я оставила его в операционной.

Нита почувствовала, как подрагивают ее пальцы; воображаемым скальпелем в воздухе она сделала надрез в форме буквы Y. Она не могла дождаться медленного, расслабленного вечера, когда останется наедине с телом. В воображении уже возникли другие ровные надрезы на теле мертвеца и банки с органами, наблюдающими за ней, словно необычные ангелы-хранители.

Нита вздрогнула от предвкушения. Иногда она пугала саму себя.

Мать покосилась на дочь.

— Должна сказать, его было трудно достать.

Нита вытащила ужин из микроволновки и села за кухонный стол.

— О, серьезно?

Мама улыбнулась, и Нита приготовилась слушать интересную историю.

— Ну, поначалу все было не так уж сложно. Буэнос-Айрес — прекрасный город, и найти моего информатора оказалось легко, как и приобрести нашего нового... даже не знаю, как его назвать.

Нита вскинула брови. Мать знала всех сверхъестественных существ. Это ее работа. Наверное, существо было очень редкое.

— Ну, короче. — Мать села рядом с Нитой. — Все прошло не так уж плохо. Особых сложностей с охраной не возникло. Проблема заключалась в том, чтобы доставить его сюда.

Нита кивнула. Обычно авиаперевозчики косо поглядывали на мертвые тела на багажных полках.

Мать заговорщически подмигнула.

— Но потом я подумала: почему бы мне просто не притвориться, что он пассажир? И я посадила его в инвалидное кресло — экипаж ни о чем не догадался.

— Подожди-ка, в инвалидное кресло? — Нита нахмурилась. — Но разве они не заметили, что он... не знаю, не двигается, или не дышит, или еще что? Когда помогали ему сесть на свое место?

Она засмеялась.

— О, он не мертв. Я только накачала его лекарствами.

Нита пошевелила пальцами.

Не мертв.

Она выдавила слабую улыбку.

— Ты сказала, что оставила его в моей мастерской?

— Да, целое утро на установку клетки потратила, черт возьми. Ты знаешь, что клетки на человеческий рост больше не делают? А еще мне пришлось купить наручники в секс-шопе.

Нита долго сидела не шевелясь, с застывшей на губах улыбкой, затем встала, пробралась через ящики и направилась в операционную. Мать последовала за ней.

— Он малость другой. И весьма ценен, поэтому я очень хотела бы выдоить из него немного крови до того, как мы вырежем все его органы.

Но Нита ее не слушала. Она открыла дверь, чтобы увидеть все своими глазами.

Часть ее чудесной, стерильной комнаты с белыми стенами теперь занимала большая клетка, прикрепленная болтами к стене. Мать обмотала дверь клетки цепью и навесила замок. Внутри в позе эмбриона лежал парень с темно-каштановыми волосами. Он был без сознания. Учитывая размер клетки, лежать в ней, вероятно, можно было только так.

— Кто он? — спросила Нита.

Она ждала, что мать начнет перечислять те ужасные вещи, которые он вытворял. Возможно, ел новорожденных детей. Может, вместо восемнадцати или девятнадцати (по виду) ему на самом деле было пятьсот лет.

Мать пожала плечами.

— Я не знаю, есть ли такое слово, которым можно его назвать.

— Но каким сверхъестественным существом он является? Расскажи. — Нита услышала, как задрожал ее голос, и заставила себя успокоиться. — Я имею в виду, ты же знаешь, что он делает, да?

Мать рассмеялась.

— Он ничего не делает. Я вполне уверена: он — сверхъестественный, но не думаю, что ты найдешь какие-либо внешние признаки этого. В Буэнос-Айресе он принадлежал коллекционеру.

— Тогда... зачем он нам? — напирала Нита, удивляясь тому, как важно ей было услышать ответ на этот вопрос. Как важно найти причину, которая оправдывала

бы тот факт, что сейчас в ее комнате находится клетка с незнакомым парнем, свернувшимся клубком. Его джинсы и футболка были забрызганы какой-то жидкостью, и Нита подумала: «Может, это кровь?»

— Ах, знаешь, он, похоже, очень ценный. В нем что-то есть. Коллекционер продавал флаконы с его кровью — заметь, флаконы, а не пакеты — почти по десять тысяч за каждый. Долларов США, не солей или песо. *Долларов.* В прошлом году палец его ноги выставили на онлайн-аукционе, и цена состояла из шести цифр. За один палец.

Мать широко улыбнулась, ее глаза загорелись в предвкушении суммы, которую можно выручить за все тело. Она всегда стремилась быстрее получить гонорар, поэтому Нита не сомневалась: этот бедняга в клетке здесь надолго не задержится.

— Я уже заявила о нем в сети, и у нас есть покупатель на еще один палец ноги. Поэтому я взяла на себя смелость отрезать его и отправить по почте, пока мы были в Аргентине.

Ните потребовалось несколько секунд, чтобы осознать эти слова. Затем она опустила глаза, и, разумеется, ноги парня были голыми. Одну ступню поспешно обмотали бинтом — тот пропитался кровью.

Мать постучала пальцем по подбородку.

— Единственная проблема в том, что части тела должны быть свежими — то есть *как можно более* свежими. Поэтому сначала мы продадим все конечности — они уже заказаны. Он может выжить и без них, а мы тем временем соберем его кровь. Внутренние органы и все остальное продадим позже, как только распространим информацию о них. Это не должно занять слишком много времени.